

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.
(фрагмент статьи) (1)

Людмила Гатагова
Институт российской истории РАН

Помимо огромного массива мелких, рутинных протоэтнических конфликтов, не оказывавших сколько-нибудь существенного влияния на внутренние процессы в государстве, во второй половине XIX в. империя пережила массовые проявления этнофобий, в одном случае – подтолкнувших государственную машину к ужесточению карательных акций в отношении польских сепаратистов, которые подняли восстание в 1863 г., а в другом случае вылившихся в грандиозные еврейские погромы начала 1880-х гг.

Массовое проявление полонофобии стало реакцией на польское восстание. Сепаратизм поляков, расцененный российской общественностью, как предательство, способствовал бурному росту националистических настроений снизу и сверху. Давление Лондона и Парижа на Россию и русофобские статьи в западной прессе только усугубляли ситуацию. Растерянная имперская власть делала отчаянные попытки канализировать мощнейшую фобию в движение за русскую национальную солидарность, которое представлялось верховным сановникам более управляемым, нежели непредсказуемая полонофобская история.

Высланные во внутренние губернии империи поляки старались придерживаться друг друга. Они объединялись вокруг ксендзов (тоже

сосланных). Это не нравилось всем. Местные власти считали, что таким образом «возникает особый польский мир среди русского народа» (2). Закрытость польских общин порождала подозрения.

В едином порыве против поляков объединилась практически вся российская общественность, хотя антипольские настроения все же меньше захватили крестьянские массы, нежели образованные слои.

Однако и в народе полонофобия проявилась весьма заметно. Во всяком случае, когда западные губернии захлестнула волна пожаров (вскоре после восстания), появилось множество подметных писем и зловещих толков о кознях поляков. Отовсюду хлынули массовые обвинения поляков в поджогах.

В 1865 г. в посаде Новоархангельском Херсонской губернии произошло несколько незначительных пожаров. Местные власти, единодушно поддержанные населением, возложили вину за случившееся на поляков (3).

Когда в городе Сердобске Саратовской губернии от крупнейшего пожара сгорело сразу 600 домов, тут же нашли «виновных» – сосланных поляков. От расправы последних спас лишь спешный перевод под усиленным конвоем в другое место. Позже дознание выявило абсолютную непричастность поляков к поджогам (4).

В самом Саратове возникло что-то вроде «дела врачей». Трех докторам польского происхождения, работавшим в Александровской больнице, было предъявлено серьезное обвинение: «Пользование нижних чинов оказалось весьма небрежно и даже умышленно неправильно, по вредному образу мыслей докторов-поляков Красовского, Рудковского и Малаховского, враждебное настроение которых к русским возбудило порицание военных врачей и местного общества» (5).

Нагнетаемые молвой страхи перед польскими шпионами, поджигателями и отравителями побудили жителей Москвы формировать народную гвардию (!).

Проявления полонофобии отмечались даже в частной жизни. В Петербурге жена коллежского асессора Юрьевича потребовала отлучить мужа от несовершеннолетних детей, поскольку супруг, «как поляк, старается развить в них враждебные к русским чувства» (6).

«Московские ведомости» Каткова убеждали читателей, что пожары – дело рук Польской революционной партии. Каткову вторили другие издания. Оппозиционная им газета «Голос», отвергавшая подозрения в адрес поляков, напротив, утверждала, что пожары – «нравственная эпидемия, исторически наследственная болезнь русского человека, кроме классической его неосторожности, – национальная пиромания» (7).

К тому времени, как накал полонофобии стал потихоньку спадать, общественное сознание уже успело «заразиться» весьма опасным синдромом...

Ещё одно массовое проявление этнофобии – погромы 1881–1883 гг., захлестнувшие западные и юго-западные губернии империи после убийства народовольцами Александра II. Пик погромов пришелся на весенне-летние месяцы 1881 г., когда повсеместно распространились слухи о виновности евреев в гибели монарха.

Активную юдофобскую кампанию развернула пресса: в основном, газеты правого, националистического толка. Они публиковали зловещие статьи о ритуальных убийствах евреями христианских детей, внушали читателю мысль об «экономическом засилье» евреев и спаивании ими русского народа.

Массовое подстрекательство и призывы к погромам разворачивались под лозунгом «бить евреев, убивших нашего царя». К этому

примешивался мощный социальный компонент. Разносчики слухов информировали население о сделанном будто бы «распоряжении резать жидов и панов и отбирать землю» (8). И чудовищная народная стихия разошлась в полную силу, грома и круша все на своем пути...

Волна погромов вновь поднялась после суда над народовольцами, когда Гесю Гельфман (рядовой член террористической организации, хозяйка конспиративной квартиры в Санкт-Петербурге, где готовилось покушение на Александра II), помиловали из-за её беременности, ограничившись лишь ссылкой (в отличие от остальных, получивших куда более суровое наказание). Это вызвало новые протесты и разожгло ещё большую ненависть к евреям.

Юдофобия в России возникла давно (летописные сведения о первом известном погроме датируются X веком). Она постоянно подпитывалась множеством порочащих евреев мифов и легенд.

Антисемитизм в империи существовал в самых разных ипостасях: в относительно спокойные, благополучные времена он тлел в латентной форме, переходя в вегетирующую фазу в периоды смут и социальных кризисов.

Погромы в России случались и прежде. Они, можно сказать, были «привычным» явлением локального характера. Однако в 1881 г. произошло нечто новое: впервые (за всю историю российского антисемитизма) юдофобская истерия поразила практически *весь* народ (по крайней мере, на огромной и густонаселенной территории западных и юго-западных губерний государства). Со столь мощным проявлением юдофобии страна ещё не сталкивалась...

Атмосфера погромного угара настолько накалилась, что верховная власть, всерьез напуганная угрозой полной дестабилизации, начала лихорадочно принимать карательные, репрессивные меры. Более всего власть (очнувшаяся, наконец, от летаргии преступного бездей-

ствия), устрашилась необузданной и беспощадной народной стихии, в любой момент грозившей обратиться против неё самой.

Лишь к началу 1884-го года удалось прекратить погромы и сбить накал юдофобских настроений в империи.

Россия второй половины XIX в. пережила также всплеск германофобии. В сравнении с масштабами полонофобии и юдофобии, антинемецкие настроения не проявились в массовом порядке. Они не вышли за пределы узкого круга столичных резонеров, объединявшихся вокруг газет правого толка. Волна вскоре захлебнулась.

Все началось в 1864 г. с публикации в одной из западных газет статьи некоего Шедоферотти. Автор предлагал дать автономию Польше и сохранить все привилегии немецких баронов в балтийских губерниях и в Финляндии. Катков подверг эту статью резкой критике в «Московских ведомостях» (9).

В следующем, 1865 г. в империи широко отмечалось столетие со дня смерти М.В. Ломоносова. Пресса охотно откликнулась на знаменательную для страны дату. В центральных изданиях стали появляться статьи об ученом, в которых читателю ненавязчиво напоминалось, каким тяжелым гонениям русский самородок подвергался со стороны иностранных членов Российской Академии наук (а большинство их, как известно, были немецкого происхождения).

Авторы отдельных статей, перейдя от Ломоносова к своим современникам, принялись порицать ученых-немцев. Их попрекали за пренебрежение к русскому языку, за печатание трудов на иностранных языках, в то время, как средства на исследования они получали от русского народа.

В публицистике националистического направления развернулась настоящая травля. Предлагалось всякого немца, не знающего русского языка и не исповедующего православия, считать иностранцем.

В полемику с центральными газетами вступили прибалтийские издания, вставшие на защиту немецкого населения. Все это не осталось без внимания со стороны иностранной прессы. Газеты на Западе писали об усилении влияния немецкой патриотической партии в России, связывая его с именем редактора «Санкт-Петербургских немецких ведомостей» Мейера (10).

Несмотря на раздуваемую прессой кампанию против немцев, германофобские настроения не получили в России заметного развития – возможно вследствие немецких корней царствующего дома и наличия множества немецких фамилий в российской политической элите.

Массовая эпидемия германофобии вспыхнула спустя многие годы, во время первой мировой войны, когда в мае 1915 г. в Москве произошли многочисленные немецкие погромы. Но это предмет уже другого разговора.

Примечательно, что кровопролитная Кавказская война, от которой казна понесла огромные убытки (в том числе и громадные человеческие потери, общая численность которых за несколько десятилетий достигла почти 30 тыс. офицеров и солдат), не вызвала в российском обществе антикавказских настроений. Возможно, причина заключалась в том, что народы Кавказа были слишком далеко от Петербурга и Москвы. К тому же они воспринимались русским общественным сознанием, как более низший, отсталый социум.

Либеральные круги даже сочувствовали борьбе горцев против самодержавия, что получило блестящее подтверждение в русской гуманистической литературе.

Эпидемии полонофобии и юдофобии в империи – события беспрецедентные. Они не только повлияли на политический курс и характер инородческой политики правительства, но и оказали чрезвычайно серьезное воздействие на умы. Столь мощные вспышки

этнофобий не могли не отразиться на национальном менталитете. Массовое самосознание прониклось сильным и глубоким *имперским* чувством, мгновенно сплотившим самые разнородные общественные слои, ещё не так давно совершенно чуждые друг другу. Это чувство оказалось куда прочнее даже самых привлекательных либеральных идей с их умозрительными представлениями о свободе, всеобщем равенстве и братстве народов...

Несмотря на проявления массовых этнофобий и наличие конфликтности на этнической почве, в России второй половины XIX столетия этнический фактор ещё не стал доминирующим в ряду многочисленных внутренних проблем империи.

Это произошло позднее, на рубеже веков, с политизацией этнических конфликтов. Данный процесс протекал медленно, по мере развития этнического самосознания, активизации нациогенеза, оформления этнических элит, начинавших манипулировать этносом в собственных интересах. Этнический конфликт становился важным рычагом политической борьбы...

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Краткий анализ протоэтнической конфликтности основывается на материалах т.н. «Ведомостей о происшествиях», составлявшихся по донесениям с мест в III Отделении Собственной Е.И.В. Канцелярии – для информирования императора и нескольких высших сановников о текущей политической и общественной жизни. «Ведомости» содержат систематические сведения обо всех заметных происшествиях в государстве, включая и инциденты с «этническим окрасом» (ГАРФ. Ф. 109).

2. ГАРФ. Ф.109. Оп.223. Д.31. Л.126 об.

3. Там же. Л.70.

4. Там же. Д.30. Л.78 об.
5. Там же. Л.78.
6. Там же. Л.103 об.
7. Там же. Л.53.
8. Там же. Ф.102. Оп.38. Д.679(П). Л.555.
9. Там же. Ф.109. Оп.223. Д.29. Л.37–39.
10. Там же. Д.30. Л.51 об-52.